

Максим Лаврентьев,
заместитель главного редактора журнала «Литературная учеба»

Литература вырождения

После того как в начале девяностых годов прошлого века «самая читающая» страна в мире превратилась в одну из самых нищих, разговоры всерьёз о современной русской литературе стали казаться бессмысленными, а профессия писателя – делом не только безденежным, но и безнадёжным. И вот в недавнее время, в связи с чётко обозначившимся книгоиздательским бумом, некоторые наиболее горячие головы заговорили о возрождении у нас интеллектуальной литературы на фоне относительной политической и экономической стабильности (кстати сказать, вновь уже поколебленной мировым финансовым кризисом).

Действительно, масштабы проведённой в сентябре 2008 года московской книжной выставки-ярмарки способны поразить воображение: сотни издательств-участников, ежедневное столпотворение десятков тысяч посетителей. При таком внешнем блеске потускнело одно немаловажное обстоятельство: худлит на ярмарке был предстал в основном своей непомерно разросшейся «коммерческой» частью, т. е. всего-навсего эстетически сниженным для удобства общего употребления «читивом», а также многообразными переизданиями классиков прошлого. Современную художественную литературу (я имею в виду стихотворные и прозаические произведения, созданные относительно недавно и обладающие, помимо всего прочего, высокой эстетической ценностью) читатель если и обнаружит на магазинных полках, то в весьма ограниченном числе наименований. Вместо этого покупателю предлагается (навязывается) позиционирующая себя актуальной гремучая смесь из скандальных имён и претенциозных стилей, вызывающая у нормального человека чувство здоровой брезгливости. Достаточно окинуть беглым взглядом нестройные ряды раскручиваемых издательствами российских авторов, как тут же начинает казаться: если у нас и проявляется какая-то интеллектуальная словесность, то в основном вот эта – литература вырождения.

Распространённый сейчас в массовом сознании образ представителя гомосексуальной субкультуры включает в себя и вариант, подозрительно напоминающий интеллигентного человека вполне традиционных взглядов как на интимные, так и на публичные стороны жизни. Если же в дополнение к чистым ногтям и отглаженным брюкам становится известно о профессиональных занятиях их обладателя каким-либо видом искусства, то устраняются последние сомнения. Как, почему это произошло с нами? С одной стороны, в последнее время интеллигентность стала исключением в обществе, где культивируется как абсолютно нормальный образ так называемого делового че-

На фото: Максим Лаврентьев на вечере журнала «Литературная учеба» в книжном магазине «Библио-Глобус» (29 октября 2008 года)

Покупателю навязывается
«актуальная» гремучая смесь
из скандальных имён и
претенциозных стилей,
вызывающая у нормального
человека чувство здоровой
брезгливости

ловека, – на самом деле быкообразного монстра с примитивным набором эмоций. Всё более широкое распространение получает реинкарнация пижона 60-х годов – метросексуал, потребитель гламурного коктейля западной поп-культуры. С другой стороны, на наших глазах завершается отток из всех областей гуманитарной деятельности наиболее творчески способных сил, катастрофически упал уровень профессионального образования, в искусстве и, в частности, в литературе происходит окончательное обособление моральных изгоев с нетрадиционными взглядами и предпочтениями. Вот уже и в Литературном институте в последние годы на-

В рифму,

соблюдая

размер, – писать

теперь нельзя,

это может

оскорбить тех,

кто так писать

не умеет.

Профессионализм

обижает

дилетантов!

блюдается опасная тенденция к возрастанию в среде тамошнего студенчества процента гомосексуалистов и лесбиянок (об этом читайте в статье О. Лисковой. – М.Л.) – людей, исключивших для себя семейные ценности и традиции предков, нацеленных на проживание жизни здесь и теперь, на подсознательном уровне отвергающих воспроизводство homo sapiens, приближающих таким образом конец истории. Наличие диплома по специальности наделяет выпускников этого вуза соответствующим статусом, позволяющим высказывать авторитетное суждение по сложнейшим вопросам литературного мастерства. Что же происходит, когда люди с нетрадиционными наклонностями занимают места у издательской кормушки?

Презрительное и агрессивное отношение ко всему традиционному и нормативному тотчас проявляется у них в активном лоббировании себе подобных. Это не шутка: «голубая» партия в литературе сейчас сильна и откровенна как никогда. В сферу влияния этой группы входят издательства, книготорговые сети, специализированные издания, а также так называемые культурные площадки, где происходят эпатажные междусобойчики – «перформансы», «слэмы» и т. д., обыкновенно игнорируемые «не въезжающей» публикой. На любые претензии касательно их творчества (в подавляющем большинстве случаев, разумеется, далёкого от традиционных форм и канонов) «актуалы» склонны отвечать обвинениями в гомофобии, ксенофобии и т. п.

Требование толерантности принимает порой не только глупую, но и агрессивную форму.

Так одна моя добрая знакомая, недавно вернувшаяся в Россию из Италии, рассказала следующий любопытный

эпизод. Долго живя в иноязычной среде, она пробовала писать стихи на итальянском. Естественно, с соблюдением всех необходимых, по её мнению, технических правил. Свои поэтические опыты она решила продемонстрировать местным любителям литературы, периодически собирающимся в специализированном клубе (надо заметить, что большинство из них – люди весьма пожилые, ибо на Западе поэзией интересуются в основном пенсионеры). Каково же было удивление моей знакомой, когда вместо одобрения она услышала упрёк: так – в рифму, соблюдая размер, – писать теперь нельзя, ведь это может оскорбить и унижить тех, кто так писать не умеет.

Профессионализм обижает дилетантов!.. А что же представляет собой современная европейская поэзия? Моя знакомая тотчас сымпровизировала: «Лифт едет... Лифт едет... Лифт едет... Приехал лифт!». И не дай бог, если обозначится хоть какая-нибудь метафора!

Ревнителю свободы от любых табу любят ссылаться на авторитет А.С. Пушкина, по мнению которого, первым из русских поэтов, отбросившим архаический стиль во имя живого народного языка, был не кто иной, как Иван Барков. Часто цитируются слова великого классика, обращённые к подрастающему поколению: «Вы не знаете стихов... Баркова и собираетесь вступить в университет, это курьёзно. Барков – одно из знаменитейших лиц в русской литературе: стихотворения его в ближайшем будущем получат огромное значение... Для меня... нет сомнения, что первые книги, которые выйдут в России без цензуры, будет полное собрание сочинений Баркова». Трудно теперь понять, насколько серьёзно относился к этому своему заявлению Александр Сергеевич, поскольку его творчество в целом говорит совсем об ином. Но предвидение поэта сбылось: цензура отменена и «барковиана» издаётся большими тиражами.

Однако «поступающие в университет» знают теперь сочинения не только Баркова, но и тех современных авторов, которые пытаются заполнить «русским подзаборным» провалы в содержании, замаскировать недостаток художественности. Создаётся впечатление, что литература, целенаправленно использующая мат как одно из выразительных средств, – это всё же феномен не пушкинского, а нашего времени. Что это – раскрепощение духа или конъюнктура рынка, диктующего писателю свои законы, основанные на потакании самым низменным потребностям массового потребителя «чтива»? Часто говорится о том, что такая литература всего лишь отражает соответствующую ей реальность, что мы-де давно живём в царстве порнографии. Но почему-то некоторых из нас при этом не покидает ощущение: причину подменяют следствием.

Вот что пишет по этому поводу литературовед Владимир Новиков: «Надоело говорить и спорить о нормах употребления «ненормативной» лексики в устной и письменной речи. Не в императивно-запретительной, а в констатирующе-описательной тональности скажу: вообще-то благородные люди не матерятся. Исключение всегда составляла артистическая богема (впрочем, причастность к богеме предполагала сознательный отказ от претензий на благородство). Что же касается художественной литературы, то здесь приходится вновь при-

помнить знаменитые слова Л. Щербы: «...прелесть обоснованного отклонения от нормы». В современной прозе и поэзии такая прелесть и такая обоснованность использования мата – минимальны, случаи талантливого сквернословия – единичны» (Новиков В. Роман с языком. М.: Аграф, 2001. С. 258).

Однако в кругах «актуалов» преобладает совсем другое мнение. Так, в рамках фестиваля современного искусства «Территория», проводившегося осенью 2006 года в Москве, при активной поддержке Федерального агентства по культуре и кинематографии, состоялся поэтический вечер «100 минут поэзии» в Политехническом музее. В числе других со сцены знаменитого зала были публично прочитаны и такие стихи:

Когда я был микробом,
Меня е...и крупным ё...м,
И птицы пели у меня под нёбом.
Теперь я русский,
И кормят демоны меня капусткой,
Американцы из меня
Рыбу говорящую выловить хотят,
И немцы с криком «Русская свинья!»
Меня закалывают и едят.
На самом деле ведь я жид,
Мной Иегова дорожит,
Черт ё.....й за мной бежит
Но когда совсем уже х.....о,
Помогает мне не Иегова,
А волшебный брянский мальчик Вова,
Которого я изредка е...,
Сняв с него жёлтое пальто,
И это несмотря на то,
Что он давно уже в гробу <...>

И так далее. Текст этот, лишённый намёка на спасительную барковскую иронию, сознательно нацеленный на оскорбление, принадлежит (внимание!) кандидату филологических наук. Предполагал ли А.С. Пушкин, что в будущем люди освободятся не только от цензуры, но и от нравственных норм, что диплом о высшем образовании, даже научная степень перестанут быть гарантией высоких эстетических предпочтений их морально деградировавших обладателей?

Ещё одна существенная проблема – национальный фактор. Вялотекущий литературный процесс распадается не только на бесчисленное множество течений и отдельных струй, но и на два основных русла – «патриотическое», в основном представленное писателями «коренной» национальности, и «либеральное», более сложно организованное. Затрагивая столь неблагоприятную тему, я обращаю внимание читателей на то, что сам не принадлежу ни к одной из этих противостоящих друг другу группировок и, следовательно, сочувствую в равной степени обеим.

Нынешние «патриоты» стали выкристаллизовываться ещё в сталинскую эпоху, когда советское государство, находившееся перед вполне реальной угрозой военного поражения, в срочном порядке отказалось от исповедуемой ранее интернациональной доктрины и начало исподволь реанимировать отдельные атрибуты, стилистику и риторику Российской империи. Сейчас представители патриотического лагеря именуют себя «государственниками», в искусстве они, как правило, одиозные традиционалисты.

История искусства не раз переживала времена упадка, после которого неизменно наступала пора возрождения

Однако выведенный и скудно подкармливаемый ими в литературе уродливый змеёныш – кольцо-ско-есенинский гибрид – абсолютно нежизнеспособен. Громогласно объявляющие себя в поэзии наследниками классиков, по сути, они осуществляют обречённую сначала на смех, а затем и на смерть реинкарнацию малограмотного крестьянско-разночинного стихотворчества XIX века.

В отличие от «патриотов», «либералы» с разной степенью откровенности заявляют о своём неприятии русской культуры. Как бы в насмешку над ней,

именно представителям этого «течения» все девяностые и последующие годы было предоставлено право осуществлять контроль над основными финансовыми и издательскими ресурсами, что открывало широкие просторы для пиара и обогащения. Маргиналы из этого круга вызывают наиболее сильное читательское неприятие (что совершенно естественно в национальном контексте), а в целом всё направление, для которого русская традиция – пустой или режущий звук, ведёт литературу из ниоткуда в никуда.

Разумеется, в той или иной обособившейся субкультуре существуют свои «гении» и «злодеи», имеются на счету определённые художественные достижения, преобладают в разное время те или иные тенденции, но общее, главное в них – разрыв с высокой классической традицией и даже агрессия против неё.

Всё это заставляет сделать пессимистический вывод: литература (думается, что только литература вырождения) неудержимо стремится к финалу. Однако не будем забывать, что история искусства не раз переживала времена упадка, после которого неизменно наступала пора возрождения. Ренессанс всегда начинается с возрастания интереса к наследию предшествующих эпох. При этом произведения, несущие в себе прогрессивные, а никак не регрессивные качества, выделяются как основные. Таким образом, происходит бесконечное постулирование традиции. Поэтому я не призываю к консервации культуры в её нынешнем состоянии, к замораживанию происходящих в ней процессов. Уразумевшему нехитрый принцип поступательного движения истории искусства нетрудно уже сегодня разглядеть и пестовать в нём ростки грядущего ренессанса. В профессии писателя это благородное дело начинается с усвоения элементарных азоров – с литературной учёбы.

(«Литературная учеба», 2009, №1)